

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.17223/19986645/26/5

УДК 82-94

Е.Е. Анисимова

В.А. ЖУКОВСКИЙ МЕЖДУ ДВУХ ЮБИЛЕЕВ (1883–1902) СТАТЬЯ 2. ТОРЖЕСТВА 1902 г.: СОВМЕЩЕНИЕ ЮБИЛЕЕВ, СТРАТЕГИИ АВТОКАНОНИЗАЦИИ

В статье продолжено начатое ранее исследование рецепции наследия и личности В.А. Жуковского в практике юбилейных торжеств 1883 и 1902 гг. Изучаются эстетические и функциональные аспекты произведенного в 1902 г. соединения культов Жуковского и Гоголя. На примере журнала «Вестник Европы» освещаются особенности внедрения образа Жуковского в «персональные» истории отдельных изданий и определяющих их политику лиц.

Ключевые слова: Жуковский, литературный юбилей, канонизация классики, биография, рецепция.

Новый этап развития социокультурного реноме Жуковского позволяет выделить не только продолжение официальной линии осмысления его личности, не только ставшие уже традиционными прямолинейные проекции биографии на поэзию, но интерференции «культов» Жуковского и Гоголя, а также возникновение прецедентов своего рода «автоканолизации», усиления харизмы того или иного здравствующего автора или актуального издания под сенью мифа о Жуковском.

На сей раз официальное признание поэта и чествование его памяти было подкреплено высочайшим указом. Пользуясь терминологией П. Бурдьё, можно сказать, что к юбилею 1902 г. «поле власти», заинтересованное фигурой Жуковского, стало оказывать более сильное давление на «поле литературы» [1] и, думается, главную роль в этом процессе играли не столько поэзия и/или выписанный Зейдлицем «рыцарский» жизнетекст, сколько уже общеизвестные факты создания Жуковским государственного гимна и воспитания Александра II. Поднимая символические «ставки» Жуковского, «поле власти» тем самым подпитывало и самое себя.

На рубеже столетий, как показал Дж. Брукс, берет свое начало государственная политика конструирования литературного канона, прежде всего проявившаяся в прославлении Жуковского и Гоголя (оба умерли в 1852 г., поэтому юбилейные даты у них совпали). «Священный синод выпустил инструкции приходским учителям и прочим, кто пожелал бы почтить память обоих авторов, советуя отслужить литургии и панихиды, организовать публичные чтения отрывков из их произведений под аккомпанемент церковных и патриотических песен» [2. С. 322]. Исследователь ссылается на рескрипт из «Церковного вестника» 1902 г., в котором, в частности, говорится:

Для руководства же в этом деле Училищный совет находит полезным преподать нижеследующие указания: 1) в тех храмах, в приходе которых существуют церковные школы, могут быть совершены заупокойные литургии или панихиды – 21 февраля по Н.В. Гоголю и 10 мая – по В.А. Жуковскому; 2) 11-го мая, в день установленного празднования учащимися в церковных школах памяти святых Мефодия и Кирилла, по окончании церковной службы, могут быть устроены в помещениях церковно-приходских школ или в других удобных зданиях, в память почивших писателей Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, торжественные собрания учащихся и учащихся в церковных школах, с чтениями о литературных заслугах названных писателей, а также и с прочтением небольших по объему стихотворений и повестей из их произведений, избранных для этой цели заведывающими школами, и 3) чтения могут сопровождаться пением гимнов и песней патриотического характера, одобренных для хоров церковно-приходских школ [3].

На юбилейный 1902 г. пришлась новая волна публикаций – документальных и художественных. Так, практически весь апрельский выпуск «Русской старины» был посвящен Жуковскому: здесь читатель мог найти письма поэта к разным лицам, его альбомные записи, неизданные стихотворения, а также программную статью Н. Дубровина «В.А. Жуковский и его отношения к декабристам». Создав коллаж из писем и других документальных свидетельств, автор реконструировал летопись диалога поэта с Николаем I о судьбе декабристов, итогом которого стал императорский указ 1837 г. об облегчении участи ссыльных [4. С. 103]. Важнейшим актом в издательской деятельности, презентовавшей наследие Жуковского, стало вышедшее в юбилейный год первое полное собрание сочинений поэта под редакцией А.С. Архангельского [5].

К неофициальным, но тем не менее заметным обстоятельствам юбилея 1902 г. можно отнести его «парный» характер: в большей части праздничных мероприятий 1902–1903 гг. имена Жуковского и Гоголя стоят рядом. Другим немаловажным событием, совпавшим с этой датой, было столетие со дня основания журнала «Вестник Европы», редактором которого в начале XIX в. был Жуковский. Кроме того, с подачи В.С. Соловьева к 1902 г. был приурочен еще один юбилей – 100-летие со дня рождения русской поэзии. Остановимся на этих «перекрестках» отмечавшихся годовщин более подробно.

В журнальной и газетной периодике 1902 г. большая часть юбилейных материалов увязывала имена Жуковского и Гоголя: если заходила речь об одном юбиларе, то следом появлялось упоминание и о другом. Хроника общественной жизни также демонстрировала парность юбилейных мероприятий. Например, крупным событием культурной жизни стала организованная В.А. Гиляровским «гоголевско-жуковская» выставка картин [6]. Даже в новаторских, в духе модернизма, акциях писателей нарочито сближали: «Гоголя и Жуковского в Москве решили чествовать довольно оригинальным образом: в Сокольниках на громадной клумбе из цветов и растений различных оттенков будут созданы... портреты обоих писателей. За сходство конечно не ручаются. Но создается новый жанр в pendant декадентству, клумбовый! Появятся и художники клумбисты» [7].

Почву для отождествления подготовила близость писателей в последние годы их жизни: обоих связывали дружеские отношения, мистические настроения и жизнь за границей. Парный характер торжественных мероприятий 1902 г. имел и свои чисто литературные последствия. Так, Б.К. Зайцев много позднее в посвященном поэту биографическом романе усилит параллелизм Жуковского и Гоголя, сделав из них двойников и указав на символичность их единовременной смерти (в духе жития Бориса и Глеба). Пока же в восприятии потомков Жуковский связывался с главными писателями первой половины XIX в. не столько поэтически, сколько биографически. Художественной версией подобного восприятия становится картина П.И. Геллера «Гоголь и Жуковский у Пушкина в Царском Селе» (1910).

С одной стороны, гоголевский юбилей несколько затмевал юбилей Жуковского, с другой – 50-летняя годовщина со дня смерти поэта не была бы столь заметным культурным явлением, не будь она усилена гоголевской. Любопытно, что в «парных» юбилейных статьях 1902 г. больше говорится о Гоголе-писателе и о Жуковском-человеке, причем лейтмотивом в описании биографии русского романтика становится осуществленное им примирение поэтических идеалов и жизни. Так, в статье «Гоголь и Жуковский в народной школе» Д.И. Тихомиров пишет: «Жуковский открывает в человеке человека, ведет его к чистому идеалу и радуется, и торжествует за все то светлое и высокое, чистое и прекрасное, что в человеке есть или может быть и что представляется в святых мечтах поэта так легко осуществимым в действительной жизни» [8. С. 51]. В 1904 г. схожую мысль высказал А.Н. Веселовский, связав синтез поэзии и жизни с эстетикой сентиментализма [9].

В то время как юбилей 1883 г. соотносил Жуковского главным образом с Пушкиным и Александром II, способствуя становлению мифа об учителе гениального поэта и будущего царя-освободителя, годовщина 1902 г. объединила Жуковского уже с Гоголем и потому дала несколько иную пищу для размышлений. Богатый материал для понимания смыслов нового юбилея дают гоголевско-жуковские сборники, выпущенные в столицах и ряде университетских городов (см., например, [10, 11]). В них еще четче проступила тенденция, наметившаяся в юбилейных изданиях 1883 г., где личность Жуковского предстала симбиозом трех его амплуа: поэта, педагога и человека (т.е. придворного и бытового обликов). В статьях 1902 г. размышления о литературном творчестве Жуковского были столь же энергично отеснены на второй план, причем сопоставление с Гоголем только усилило этот эффект. Едва ли не каждая статья, посвященная личным и творческим взаимоотношениям юбиляров, начиналась с мысли, что литературные дарования Жуковского и Гоголя неравноценны: «Мы затруднились бы категорически утверждать, что Жуковский понимал в полной мере все значение его (Гоголя. – Е.А.), как гениального изобразителя отрицательных сторон русской действительности» [12. С. 42]; «...круг влияния Жуковского, конечно, всегда будет уже и меньше» [13. С. 20] и т.д.

При этом по своему объему материалы о Жуковском не только не уступали, но и заметно превосходили написанное о Гоголе. Логика юбилейных статей подводила читателя к мысли о том, что именно для Гоголя встреча с Жуковским имела судьбоносный характер, сам же он не оказал столь же сильно-

го воздействия на судьбу и личность «первого русского романтика»: «Место, занимаемое Гоголем в жизни Жуковского, не может быть соизмеримо с тем значением, которое имел Жуковский в жизни Гоголя»; «Во взгляде Жуковского на Гоголя постоянно было что-то отеческое»; «Жуковский для Гоголя и в первую половину их личного знакомства был важной и существенной опорой жизни» [12. С. 35, 37]. По наблюдению Е.В. Петухова, близость Гоголя к Жуковскому располагалась, прежде всего, «в сфере интересов общественных и житейских», а сам поэт «нужен был ему не только как судья его произведений и как близкая душа, но и как посредник денежных милостей от двора и вообще как опора в затруднениях материальных» [12. С. 5–6, 11–12].

Подобная стратегия выстраивания посмертной литературной репутации Жуковского часто определяла не только концепцию отдельных статей, но и композиционное решение целого сборника. Например, составитель «Харьковского университетского сборника в память В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя» (1903) Н.Ф. Сумцов распределил все статьи по следующим тематическим блокам: «1) статьи о В.А. Жуковском, как филантропе, 2) статьи о В.А. Жуковском, как художнике, и 3) статьи о Н.В. Гоголе» [14. С. 5–6]. Нетрудно заметить, что Жуковский-человек и Жуковский-художник (в данном случае в буквальном смысле – живописец) представлялись автору двумя самостоятельными предметами для размышлений, в то время как раздел о Гоголе-писателе выглядел целостным и не требовал дополнительных разъяснений. В программной статье «В.А. Жуковский и Н.В. Гоголь» исследователь так обосновал свою мысль: «Жуковский – талантливый поэт, писатель-публицист, педагог представляет лишь известную вариацию Жуковского-филантропа» [14. С. 8]. Показательно при этом, что филантропическая деятельность Жуковского освещалась в юбилейном сборнике не в связи с нюансами гуманистического мировоззрения поэта, а как перечень его человеколюбивых деяний: конкретика здесь торжествовала над метафизикой. Так, из посвященных поэту 42 глав харьковского сборника 39 представляли собой своеобразные документальные новеллы о помощи Жуковским тому или иному лицу с массой биографических подробностей («В.А. Жуковский и К.Н. Батюшков», «В.А. Жуковский и Т.Г. Шевченко», «В.А. Жуковский и А. Мещевский» и т.д.).

Даже обращаясь к поэзии и эстетике Жуковского, исследователи предпочитали использовать не первоисточники (сами стихи и литературно-критические статьи), а личные документы и свидетельства современников. Например, А.Н. Троицкий в работе «Отношение Гоголя к Жуковскому», поставив перед собой цель проанализировать, «во-первых, как Гоголь смотрел на поэтическую деятельность Жуковского, во-вторых, – как он относился к последнему, как ценителю его (Гоголя) произведений», специально указывает на то, что решать эту научную задачу будет «исключительно на основании писем Гоголя» [15. С. 3]. Внимание исследователей привлекали, прежде всего, поступки Жуковского, символическая ценность которых, что специально подчеркивалось, не уступала его литературным достижениям. «Жуковский оставил после себя прекрасную память, как человек, писатель, педагог; выше всего стоял он, как человек, и все прочие его достоинства были лишь отражением его прекрасного доброго сердца» [14. С. 24]. К 50-й годовщине со дня

смерти биография поэта окончательно «олитературируется»: сотканный Жуковским биографический текст начинает рассматриваться в той же перспективе, что и художественный. В этом отношении юбилейная пара Жуковский – Гоголь позволяет увидеть два взаимодополняющих типа творчества: художественный в случае Гоголя и жизнестроительный в случае Жуковского. Не случайно другим лейтмотивом юбилейных сборников стала синтезирующая роль Жуковского в литературном процессе и литературном быту XIX в.

Встречая у Жуковского на каждом шагу проявления доброго чувства, в его колоссальной частной переписке, в сочинениях, в сфере личных отношений, в кругу семейных и общественных отношений, естественно возникает вопрос, какие обстоятельства личной жизни поэта воспитали и развили вложенное в его сердце от природы гуманное настроение, что закрепило в нем идеи добра в тот мрачный век, который Пушкин назвал «жестоким», и сделало из Жуковского нравственное средоточие для обширного круга писателей, более того, для всей русской литературы первой половины прошлого столетия [14. С. 9].

Наряду с практикой символического «увязывания» Жуковского с Гоголем, в культуре эпохи обращает на себя внимание еще одна тенденция «удвоения» юбилейных торжеств. Если можно соединить двух классиков в пределах активно пополняющегося пантеона русских национальных писателей, то почему нельзя, усилив идею связи, вынести ее за пределы «канонического» пространства и опустить одним «концом» на «грешную землю», в сферу злободневной журнальной работы и литературно-политической борьбы, «подпитавшись» тем самым от уже непререкаемой харизмы создателей русской литературы? Примерно так поступил в 1902 г. издатель «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич.

В юбилейных выпусках его журнала за 1902 г. представление о литературно-публицистическом процессе как о целостности, наметившееся в нераздельности жуковско-гоголевских торжеств, приобрело программный характер. Появление наиболее масштабных публикаций о Жуковском именно в «Вестнике Европы» в юбилейные 1883 и 1902 гг., конечно, было неслучайным: этот журнал был одновременно связан с именем и Жуковского-поэта, и Жуковского-редактора (1808–1810 гг.). Более того, 1902 г. давал «Вестнику Европы» повод отметить сразу несколько юбилеев.

В 1897 г. в примечании к своему стихотворению «Родина русской поэзии. По поводу элегии “Сельское кладбище”», опубликованному все там же, в «Вестнике Европы», В.С. Соловьев указал на творчество Жуковского как на точку отсчета русского золотого века: «“Сельское кладбище” может считаться началом истинно-человечной поэзии в России после условного риторического творчества Державинской эпохи» [16. С. 347]. «Сельское кладбище» Жуковского было опубликовано в декабрьском выпуске карамзинского «Вестника Европы» за 1802 г. [17] и стало не только началом новой литературной эпохи в России, но и моментом восхождения звезды поэта – именно с этой публикации он начал завоевывать всеобщее признание. Высказывание Соловьева было безоговорочно принято целым рядом писателей XX в. и не

только воспроизводилось ими в художественных и критических текстах, но использовалось, например, в сочинениях Л.Л. Кобылинского-Эллиса и Б.К. Зайцева как достоверное в научном отношении наблюдение¹.

И в 1883 г., и в 1902 г. редактором «Вестника Европы» был один и тот же человек – М.М. Стасюлевич. В юбилейном выпуске журнала за 1883 г. подборка материалов о Жуковском была одной из самых значительных и, что особенно важно, охватывала все сферы деятельности русского романтика: поэтическую, педагогическую и жизнестроительную. В первом выпуске журнала за 1883 г. Стасюлевич напечатал неизданные стихотворения поэта, юбилейное стихотворение Полонского, собственную статью, сообщение из общественной хроники о публикации писем Жуковского к Александру II и объявление о выходе биографии Зейдлица, также напечатанной в издании «Вестника Европы» [20–24].

Спустя 19 лет в майском номере журнала за 1902 г. Стасюлевич поместил знаковые материалы первого подготовленного Жуковским выпуска за 1808 г.: факсимиле, программную статью «Письмо из уезда к Издателю» и оглавление всего номера. Кроме того, Стасюлевич напечатал портрет Жуковского, подаренный ему Зейдлицем и сопровождаемый следующей подписью: «Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу, нынешнему редактору «Вестника Европы». Портрет прежнего (1808–10 г.) посылает в знак дружбы и почтения – Доктор Карл Зейдлиц. Дерпт. Январь, 1883 г.» [25]. Таким образом, намечалась, с одной стороны, преемственность русской журналистики, и в особенности элитарного «Вестника Европы» по отношению к Жуковскому-журналисту, с другой – вновь утверждалась фигура Зейдлица как главного интерпретатора жизни и творчества поэта.

Однако в строгом смысле слова журнал Стасюлевича не был прямым продолжением карамзинского: символическая преемственность в данном случае была важнее фактических длинных перерывов в истории издания. «Мы восстановили имя Карамзинского журнала в 1865 году, когда исполнилось столетие со дня рождения Карамзина, желая тем самым почтить его память», – писал Стасюлевич [26. С. 421]. Первый выпуск журнала за 1902 г. Стасюлевич сопроводил факсимиле обложки за 1802 г., портретом Карамзина и юбилейным сообщением в разделе «Общественная хроника» [26]. Поэтому майский выпуск «Вестника Европы» в 1902 г. подчеркивал преемственность журнала от Карамзина – к Жуковскому и от Жуковского – к действующему редактору, прочие же издатели не удостоивались юбилейных реверансов. Путь от 1802 к 1902 г. в интерпретации редактора «Вестника Европы» приобретал не только литературный, но и исторический смысл. «Весь XIX-ый век пошел в России <...> на продолжение дела, начатого вторым его годом», – резюмировал он [26. С. 421]. В контексте таких размышлений 1902 г. начинал выглядеть более масштабно, так как объединял в единую смысловую точку

¹ Например: «Первым настоящим поэтом новой России и первым автором “золотого века” был Василий Андреевич Жуковский. Все, что сочинялось до Жуковского, было подготовкой, все, что возникло после него, было бы невообразимо без Жуковского» [18. С. 12]; «Соловьев находил, что лирическая наша поэзия, России XIX века, родилась близ Белева, из легких строф молодого Жуковского. Новый, прекрасный звук в лирике русской явился с Жуковским – Карамзин не был поэтом, Дмитриев недостаточно значителен» [19. Т. 5. С. 199].

несколько ключевых дат: 100-летие существования в России современной литературы, новой социально-политической культуры (на создание которой недвусмысленно претендовал «Вестник Европы»), а также 50-летие со дня смерти поэта, образ которого символизировал оба этих достижения.

За два десятилетия, прошедших с 1883 по 1902 г., «поле литературы» в России претерпело значительную трансформацию. Если в начале 1880-х гг., в дни пушкинских торжеств, по мнению многих, состоялся первый получивший общественный резонанс акт самосознания русской литературы, то к 1900-м гг. уже сформировалось представление о последовательном отечественном историко-культурном процессе и его роли в национально-государственной мифологии. Этими обстоятельствами определился характер празднования 100-летия со дня рождения и 50-летия со дня смерти Жуковского. Тексты и мероприятия, приуроченные к юбилею 1883 г., стали своеобразной проверкой на право вхождения в пантеон русских классиков. Позднее одного лишь статуса поэта для этого было уже недостаточно. Пример Пушкина, осознанный в эти годы как эталон соотношения биографии и творчества, задал высокие требования к человеческому облику других литераторов. Отсюда то особенно пристальное внимание к писательской биографии, которое сначала проявилось в исследовательских подходах, а затем обрело самодостаточный характер в житийно-творческих стратегиях поэтов-модернистов. В юбилейных отзывах о Жуковском 1883 г. делался акцент на универсальном характере его личности и жизненного пути, отвечавших самым разным, подчас диаметрально противоположным, концепциям идеального. Так, одни видели в нем рыцаря, другие – поэта, говорящего на равных с царем, третьи – уникального педагога, четвертые – освободителя собственных крестьян.

К юбилею 1902 г. Жуковский уже осознавался как ключевая фигура русской литературы: с его именем стала ассоциироваться нижняя граница в развитии ее «классического» периода. В то же время в сформировавшейся версии истории отечественной литературы поэту отводилась роль важного скрепляющего звена, в свое время поэтически сформулированная кн. Вяземским: «Чудесный дар имеет / Всех соединять кругом» [27. С. 9]. Посвященные Жуковскому исследования конца XIX в. продемонстрировали, что в силу особенностей жизнестроительного сценария он стал неотъемлемой частью едва ли не всех крупных биографий своего времени (Александра II, Пушкина, Гоголя, Карамзина, Батюшкова и др.), объединяя их, таким образом, в единое смысловое поле. Поэтому пафос юбилея Жуковского 1902 г. звучал уже иначе, нежели за 20 лет до того: сочетаясь с юбилеем Гоголя, торжества в честь Жуковского превращались в юбилей русской классики, а соединяясь с юбилеем карамзинского «Вестника Европы» – в юбилей русской журналистики и вообще культуры Нового времени.

Литература

1. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 45. – С. 22–87.
2. Brooks J. Russian Nationalism and Russian Literature: the Canonization of the Classics // Nation and Ideology: Essays in Honor of Wayne S. Vucinich. – Boulder; New York, 1981. – P. 315–334.
3. О чествовании памяти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского: (От Училищного совета при Св. Синоде) // Церковный вестник. – 1902. – № 7. – Стб. 202.

4. Дубровин Н. В.А. Жуковский и его отношения к декабристам // Русская старина. – 1902. № 4. – С. 45–119.
5. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: в 12 т. / под ред., с биогр. очерком и примеч. А.С. Архангельского. – СПб., 1902.
6. [Хроника] // Новости дня. – 1902. – 30 (17) января. – URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=1&y=1902>
7. [По телефону из Москвы] // Петербургская газета. – 1902. – 6 мая (23 апреля). – URL: <http://starosti.ru/archive.php?m=5&y=1902>
8. Тихомиров Д.И. Гоголь и Жуковский в народной школе // Русская мысль. – 1902. Кн. 7. – С. 39–54 (2-й пагинации).
9. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – СПб., 1904.
10. Харьковский университетский сборник в память В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. – Харьков, 1903.
11. Сборник в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, изданный Имп. Юрьевским университетом. – Юрьев, 1903.
12. Петухов Е.В. Гоголь и Жуковский // Сборник в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, изданный Имп. Юрьевским университетом. – Юрьев, 1903. – С. 1–44.
13. Каллаш В. Жуковско-Гоголевская юбилейная литература // Русская мысль. – 1902. – Кн. 7. – С. 20–38 (2-й пагинации).
14. Сумцов Н.Ф. В.А. Жуковский и Н.В. Гоголь // Харьковский университетский сборник в память В.А. Жуковского и Н.В. Гоголя. – Харьков, 1903. – С. 5–149а.
15. Троицкий А.Н. Отношение Гоголя к Жуковскому. – Владимир, 1902.
16. Соловьев В.С. Родина русской поэзии: По поводу элегии «Сельское кладбище» // Вестн. Европы. – 1897. – № 11. – С. 347–348.
17. Жуковский В. Сельское кладбище, Греева элегия, переведенная с английского // Вестник Европы. – 1802. – Ч. 6, № 24. – Дек. – С. 319–325.
18. Kobilinski-Ellis L. W.A. Joukowski. Seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk. – Paderborn, 1933.
19. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 5 т. – М., 1999–2000.
20. М.С. <М. Стасюлевич>. Столетний юбилей рождения В.А. Жуковского // Вестник Европы. – 1883. – Т. 99. – С. 468–472.
21. Неизданные стихотворения В.А. Жуковского / публ. П.В. Висковатова // Вестник Европы. – 1883. – Т. 99. – С. 808–812.
22. Полонский Я.П. Двадцать девятое января. 1783–1883 // Вестник Европы. – 1883. – Т. 99. – С. 813.
23. [Из общественной хроники] По поводу столетнего юбилея Жуковского, и его письма к покойному государю // Вестник Европы. – 1883. – Т. 99. – С. 899–901.
24. «Вышла в свет новая книга...» [Объявления] // Вестник Европы. – 1883. – Т. 99. – С. X [2-й пагинации].
25. [Портрет В.А. Жуковского] // Вестник Европы. – 1902. – Т. 1.
26. [Стасюлевич М.М. «Вестник Европы» – сто лет назад] // Вестник Европы. – 1902. – Т. 1. – С. 420–421.
27. В.А. Жуковский. Чествование его памяти в С.-Петербурге 29 и 30 января 1883 года. – СПб.: Изд. Н.И. Стояновского, 1883.